

ЭЛИ ЛЮКСЕМБУРГ

ПИСЬМО САМОМУ СЕБЕ

Два соблазна одолевают тебя в настоящий момент. Первое: забросить свой русский язык к чертовой матери, засесть за новый язык, убить на это столько времени, сколько понадобится, пока не отступишь на иврите первый рассказ. Помнишь, как там, в России тебе казалось, что иврит ты осилишь легко и играючи. Ведь ты же еврей, говорил ты себе, и этот язык живет в твоих генах, в крови. Надо только вспомнить его, приехав в Израиль. На деле оказалось иначе. Ты протер уже на иврите третью пару штанов, а результат ничтожный — запас слов, как у годовалого сабры. Допустим, при самой сатанинской усидчивости, ты все-таки напишешь через пару лет свой первый рассказ на иврите. Ты прочитаешь в подлиннике Хумаш и Танах, и все книги комментариев к ним. Прочитаешь, наконец, и вождельный предмет мечтаний, таинственную книгу Зогар — об учении Каббалы. Прочитаешь всех древних и новых писателей на иврите с тем же наслаждением, с каким читал в подлиннике Булгакова, Замятина, Цветаеву, Белого. Но уверен ли ты, что это не изменит совершенно твоего образа мышления? И в один прекрасный день вместо нынешнего доброго честолюбия, ты обнаружишь в своих мозгах раскисшее болото неопределенных стремлений. И удастся ли тебе делать потом также свободно то, что ты делал раньше: писать и одновременно пристально вглядываться в жизнь? Почти ничего литературой не зарабатывать и все-таки не помереть с голоду. Надо ли говорить тебе, что уровень жизни в Израиле относительно высок и требует постоянного физического напряжения, чтобы не быть раздавленным колесом быта. Там ты искитрялся каким-то образом восемь часов сачковать на работе и сохранять себя более или менее свежим для своей машинки. Здесь ты

тоже вынужден подниматься утром в шесть, отрабатывать свои восемь часов, но к вечеру ты приходишь на свидание с машинкой уставший. Чтобы ты ежемесячно мог исправно платить по счетам, содержать семью, сносно растить детей, зарплата твоя должна быть высокой. Допустим, и это тебе удастся. Что же дальше? А дальше ты вдруг подумаешь, что надо учить английский. Ведь ты мечтаешь, в конце концов, стать профессиональным писателем, жить исключительно литературным трудом. Ведь тираж твоих книг, даже на иврите, не даст тебе необходимых средств. Ты убедишься, что надо выходить на мировой рынок. Ты можешь возразить — на это есть переводчики. А я отвечу: какого переводчика ты предпочтешь, если не сможешь прочесть перевод тобою написанного?

Итак, вернемся к тебе сегодняшнему — израильскому писателю, пишущему по-русски.

Это очень удобно — отречься от необходимости постигать литературный иврит, попрежнему постукивать себе, как сейчас. Вот тут-то я и покажу тебе этот капкан, эту ловушку, которая поджидает тебя впереди. И если ты туда попадаешься, то никогда уже не выберешься, а останется лишь подписаться под своей собственной творческой смертью. Сегодня ты пишешь по-русски. Сюжетов, вынесенных оттуда, достанет на пару лет энергичной работы. Но когда испишешься и захочешь писать о жизни, тебя окружающей, с ужасом убедишься, что вовсе не знаешь ее, ибо все происходящее воспринимал своим русским образом мышления, вечно сравнивал, а не постигал. Не искал интересных людей, не завел друзей, огибал острые углы. Ты только углублял и расширял прошлое, от которого бежал и которое проклинал. Цеплялся за это из лени духовной, из трусости, мелкого честолюбия, лишь бы увидеть время от времени свой рассказ в русском журнале и свою фамилию, набранную русским шрифтом. А люди, что приехали в Израиль в один год с тобой, давно читают ивритские газеты и книги. И ты поймешь, что предал сам себя, ибо в заявлениях в ОБИР ты писал, что хочешь покинуть Россию для того, чтобы приобщиться к культуре и историческому наследию своего народа.

Кому же тогда и зачем писать в Израиле на русском языке?

И тогда может случиться, что ты подумаешь перед своей литературной смертью — а стоило ли вообще тебе уезжать из России? Не лучше ли было остаться там, с дрожащей душой, в той конуре, на шоссе Луначарского, чувствовать на себе пристальный тигринный взгляд КГБ, зарабатывать, сачкуя, свои 90 рублей в месяц и ночами напролет воплощать в рассказы свои страхи и ужасы для абстрактного читателя. Складывать это в стол, томиться от безвестности. Получать единственное наслаждение в том, чтобы собравшись с такими же, как ты сам, затравленными, читать им это тайком. Не лучше ли? И пожалеешь, что приехал сюда...

Так упаси меня, Боже, дожить до такого часа, сохрани меня лучше здесь в качестве сносного преподавателя физкультуры.

Эли ЛЮКСЕМБУРГ.

Иерусалим, май 1974.